***

— Ну как, Карлос? — Дерик подскочил к нему, едва Ли Сычэнь вышел за дверь.

Тот лишь молча покачал головой, крепко стиснув зубы. Он впервые пришел на кастинг не ради заработка, а по велению сердца, и оттого горечь неудачи ощущалась особенно остро. Настроение было ни к черту.

Дерик, заметив его состояние, сочувственно похлопал друга по плечу:

— Да ладно тебе, Карлос, не расстраивайся. У нас еще будет куча шансов. Одним больше, одним меньше — какая разница?

— Да, — Ли Сычэнь тяжело кивнул, невольно сжав кулаки.

— Вот и молодец, — Дерик просиял, видя, что тот не собирается вешать нос. — Чем теперь займемся?

— Слушай, — Сычэнь неловко моргнул, — мы сегодня и так потратили прорву времени. Дерик, ты как, не опоздаешь?

— Все нормально. Мама понятия не имеет, что я бегаю по съемкам. Она вечно занята, и пока мои оценки в порядке, ей не до меня. Я думал, если пройду, то во всем признаюсь — роль-то не совсем пустяковая была. Но раз нас обоих завернули, то и говорить не о чем. Слушай, Карлос, может, поищем что-нибудь еще?

— Пойдем.

После дня рождения Мишель Сычэню больше не нужно было отчаянно цепляться за каждый цент, но он знал, что Дерику деньги необходимы, а потому готов был составить ему компанию.

Одна неудача — еще не конец света. Рано или поздно они выберутся из массовки и получат свои роли, а нынешние провалы станут лишь ступенями к будущему триумфу. Ли Сычэнь слабо улыбнулся. С этого дня он решил пробиваться сам.

Но стоило им двинуться к выходу, как сзади раздался голос:

— Карлос Тейлор, задержись на минуту.

Сычэнь обернулся. К нему шел тот самый мужчина с восточными чертами лица, который с первого взгляда показался ему странно знакомым и близким. Однако обида за недавний отказ

еще не остыла, поэтому мальчик лишь недовольно выпятил губу и буркнул:

— Вам что-то нужно?

Лю не ожидал, что ребенок, который еще недавно так искренне ему улыбался, вдруг превратится в ершистого ежонка. Это забавило. Захотелось немного подразнить его. Мужчина подошел ближе, слегка склонился и с абсолютно бесстрастным лицом спросил:

— А мне уже и подойти нельзя?

«Вечно он такой, ни одной эмоции на лице», — подумал Сычэнь. Вспомнив холодный тон, которым этот человек разговаривал с ним на пробах, он преисполнился праведного негодования. Весь его образ «послушного ребенка» мгновенно испарился.

— Мне нужно идти с другом искать работу, так что, пожалуйста, не отвлекайте меня.

Сычэнь легко привязывался к людям — стоило проявить к нему хоть каплю доброты, и он уже готов был платить тем же. Но он еще никогда не чувствовал симпатии к кому-то с первой секунды, и то, что этот человек ответил на его порыв равнодушием, задевало до глубины души.

— Ого, а у малыша-то зубки режутся? — Лю оставался серьезным, но в голосе проскользнули насмешливые нотки.

— Я… — Сычэнь сглотнул горькую обиду и упрямо вскинул голову. — Простите.

Он извинился, но во взгляде не было ни капли раскаяния. Скорее вызов: «Считаете меня дерзким? Получите».

Внезапно мужчина обхватил голову мальчика ладонями, заставляя смотреть прямо на себя. Ли Сычэнь опешил, а затем начал отчаянно вырываться:

— Пустите! Что вы делаете?!

Он не понимал этого человека. Когда он искал расположения, тот его игнорировал. Теперь, когда Сычэнь разозлился, тот сам лез на рожон.

— Не дергайся, — негромко приказал Лю.

Он поднес руку к самому лицу мальчика.

— Значит, я не ошибся. Твои глаза черные, так?

На кончике его пальца блеснула тонкая зеленая линза. Ли Сычэнь замер. Секрет раскрыт. Весь его гнев мгновенно сменился испугом, и он заговорил, запинаясь:

— Я… я не хотел… просто… я только…

Голос его дрожал. Он знал, что обман — это плохо, но понимал и другое: без этих линз у него не было бы ни единого шанса получить хоть какую-то роль.

— Жаль, — Лю приподнял лицо мальчика за подбородок и ловким движением снял вторую линзу. — Зачем прятать такую красоту?

Сычэнь застыл с открытым ртом. Он ждал гнева, обвинений во лжи, но никак не этих слов.

— Вы… вы не злитесь? — пролепетал он.

— С чего бы мне злиться? — Лю искренне удивился вопросу.

— Но я ведь… — мальчик указал на свои глаза. — Я надел линзы, обманул вас всех. Разве это не подло?

Лю задумчиво потер подбородок.

— Ну, если и злюсь, то только на то, что ты решил скрыть настоящего себя. Разве ты не знаешь, что глаза — это зеркало души? В актерской игре взгляд — самое важное. Ты надел линзы, чтобы пойти по легкому пути и стать похожим на иностранцев, но в итоге лишь навредил сам себе.

— Но у меня не было выбора! Иначе мне бы даже в массовку не дали попасть! — Слова вырвались сами собой, прежде чем Сычэнь успел их обдумать.

В то время он не строил планов на будущее, он просто отчаянно нуждался в деньгах. Какая разница, честный это путь или нет, если нужно выживать? Даже сейчас, когда актерство стало для него хобби, без «голубых» глаз он рисковал остаться за бортом. А если тебя не зовут сниматься, то и о хобби можно забыть.

Искренность мальчика поразила Лю. Если раньше он заинтересовался им лишь потому, что заподозрил наличие какой-то тайны, то теперь его мнение о Карлосе Тейлоре окончательно изменилось.

— Карлос Тейлор, — Лю пристально посмотрел ему в глаза.

Сычэнь, растеряв весь свой боевой задор, смущенно опустил голову и тихо отозвался. Мужчина, не обращая внимания на его робость, спросил:

— Откуда ты родом?

Сычэнь помедлил. Он поднял взгляд на Лю и, поняв, что тот ждет ответа, осторожно произнес:

— Из… из Китая.

— Какое совпадение. Я тоже китаец.

Тон Лю внезапно смягчился, в голосе исчезла холодность, которая так задела Сычэня в начале.

— Правда?! — Мальчик просиял. Он-то думал, что этот человек из какой-нибудь другой азиатской страны. В восторге он вцепился в рукав мужчины и перешел на китайский: — А расскажите, какой он, Китай? Я видел в интернете фотографии: Великую стену, площадь Тяньаньмэнь, Запретный город… Там и правда так здорово?

Он прожил в Китае двенадцать лет. Но из тех лет он помнил лишь четыре года, которые провел в заточении в маленькой хижине. Все, что он знал о своей родине, он почерпнул из сети уже после того, как Мишель забрала его в Америку.

Лю, однако, воспринял это иначе. Он решил, что мальчик эмигрировал совсем маленьким и просто тоскует по далекой родине, которую никогда не видел.

Упоминание отчизны вызвало у Лю слабую улыбку. Беседа о родном крае в далекой Америке, да еще и с таким ребенком, была для него в новинку.

— Да, там очень красиво. Карлос, неужели родители научили тебя языку, но ни разу не возили домой?

Обычно иммигранты учили детей китайскому именно для того, чтобы те могли свободно общаться, когда семья решит навестить родственников.

Сычэнь замер. Радость на его лице угасла, сменившись горькой усмешкой.

— Да… можно и так сказать.

Всего два слова, но Лю почувствовал за ними какую-то глубокую, тщательно охраняемую тайну. Но, будучи взрослым и тактичным человеком, он сделал вид, что ничего не заметил.

— Если когда-нибудь выпадет шанс, я сам тебя туда отвезу. Увидишь и Великую стену, и площадь Тяньаньмэнь, и Запретный город. Идет?

«Родители». Для Сычэня это слово давно потеряло смысл. В его сердце была только мать — Мишель. Он думал, что воспоминания о прошлом больше не причинят ему боли, но ошибся.

Стоило заговорить об отце, как перед глазами всплыло лицо того безответственного человека, мачехи и тётушки Чжан. Сычэнь глубоко вздохнул, отгоняя нахлынувшие чувства. «Сейчас моя жизнь прекрасна, — напомнил он себе. — И неважно, что было раньше. Важно лишь то, что есть теперь».

Лю, глядя на задумавшегося мальчика, поймал себя на мысли, что этот ребенок вызывает у него странное, несвойственное ему сочувствие.

— Карлос, есть одна роль. Она идеально тебе подходит.

Сычэнь не сразу сообразил, что тема сменилась.

— Роль? Но ведь на пробах… — Он осекся, вспомнив, что ему, вообще-то, никто прямо не отказывал.

Лю не стал вдаваться в подробности:

— Съемки будут не здесь, придется уехать больше чем на месяц. Поговори с родителями. Ты идеально вписываешься в этот образ.

Сычэнь замер, а потом часто-часто закивал:

— Да-да, я понял! Я обязательно поговорю с мамой! Это просто здорово! — Его лицо озарилось искренней радостью. Получить роль, да еще и в таком серьезном проекте — о чем еще можно мечтать?

Лю отметил про себя, что мальчик снова упомянул только «маму», хотя он сам говорил о «родителях».

— Неважно, что она ответит, завтра приди и сообщи решение. Да, и еще… меня зовут Лю Шаньчэнь. Можешь звать меня…

Ли Сычэнь перебил его, просияв:

— Брат Шаньчэнь!

Это был его первый взрослый друг, и то, что в имени мужчины был тот же иероглиф, что и в его собственном, казалось Сычэню добрым знаком.

http://bllate.org/book/17536/1703841